

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Режим антиковидных мер отменил этим летом множество запланированных мероприятий и, соответственно, лишил читателей «Бумеранга» целого ряда интересных и разнообразных новостей.

Но мы не привыкли унывать и переводим негатив в позитив: у нас с вами появилось больше времени, например, для знакомства с новыми художественными произведениями. И потому сиротливо опустевшие газетные площади с чистой совестью вне очереди предоставляем пусть и не маститым, но зато нашим, местным, родным авторам.

Татьяна ЛЮБИМОВА окончила ФЕН НГУ, работала в институтах СО РАН. Кандидат биологических наук. Живет в Академгородке. Пишет прозу много лет, недавно решила обнародовать свои произведения. Сегодня мы представляем

вашему вниманию один из ее рассказов.

КАК Я УЧИЛАСЬ ПИСАТЬ РАССКАЗЫ

Как-то однажды захотела я поучиться писать рассказы. Писать так, чтобы было кратко, со смыслом и простыми словами.

А кто учитель, кто Мастер? А вот – Антон Павлович Чехов! – Двенадцать томов на полке.

Как учиться? Придумала такой способ.

Открыть в последнем томе «Указатель произведений». Выбрать название рассказа, содержание которого не помню. По названию сочинить свой сюжет и написать по нему рассказ. Затем прочитать рассказ Антона Павловича Чехова. Сравнить. Обдумать. Принять к сведению.

В моём воображении способ кажется хорошим. Но надо бы проверить.

Приступаю к делу.

Открываю «Указатель...», выбираю название – «Неосторожность». О чём рассказ, не помню. Начинаю обдумывать свой. Но почему-то в голову ничто человеческое не лезет. В голове мысли о насекомых: об умном шмеле Жоре, его смерти и о глупой осе Соне.

Вопрос. Стоит ли писать о насекомых? Достойны ли они рассказов? Может быть, получится глупость.

Но ведь и великие писали о насекомых! Например, Эзоп писал о блохе – басня «Человек и блоха». Или Иван Андреевич Крылов – «Стрекоза и Муравей». Сергей Михалков тоже писал – басня «Пчела и Муха».

Эти мысли меня успокаивают, и я продолжаю работу.

Так появляется фантастический рассказ из жизни насекомых.

Вот он.

Оса Соня полюбила шмеля Жору. Скандал в мире насекомых! Соня полюбила страстно, мучительно, безрассудно. Конечно, Жора – красавец: мохнатенький, полосатенький, яркий, очень крупный шмель. К тому же шпоры на ногах и дивные длинные усы.

Но! Оса и шмель! Разные виды. Потом любовь. Что это? Насекомые знают: пришло время размножения – значит надо оставлять потомство. Но оса и шмель – никакого потомства не будет.

А Соня как будто обезумела, заладила одно: «Люблю! Люблю!» Не выдержала и призналась Жоре.

Разумный Жора ответил: «Ну и любви себе на здоровье. Мне-то что? Охота любить – любви. А сейчас оставь меня в покое. У меня дела. Твоя любовь – глупость и блажь».

– Но Жора! Я жить без тебя не могу!

– Помирай!

– Какой ты жестокий!

– Соня, опомнись. Сообрази: потомства у нас не может быть! Эта любовь – дурь в твоей голове.

– Жора! Не будь таким скучным! Не надо мне потомства!

– А что надо? Чего ты хочешь? Не понимаю.

– Я хочу целоваться с тобой!

– Это ещё что такое?

– Какой же ты ненаблюдательный! Посмотри на людей. Идут себе, идут двое рядом по улице. Вдруг хлопок! остановились посреди дороги и прижались носами, целуются, никого и ничего не видят, все их обходят. Можно близко подлететь и всё рассмотреть, а они и не замечают.

Жора удивлён:

– Никак не думал, что люди занимаются такой чепухой. А кажутся умными, что-то о себе воображают.

– А еще, – продолжает Соня, – когда я летала вокруг, то слышала, что им нравятся усы. Кстати, и мне усы нравятся.

Тут Жора воскликнул в изумлении:

– Как? Разве у людей есть усы?

– Жора! Ну не такие же, как у шмелей! (Соня вытянула и развела в стороны лапки, изображая усы шмелей).

– Усы у людей есть, но не у всех. И потом, усы людей – это что-то жалкое, ворсистое под носом.

– Не понимаю. Нам, шмелям, усы нужны для дела. Но зачем усы людям? Тем более жалкие, ворсистые.

– Людям усы нужны, – объясняет Соня, – исключительно для целований. И другой пользы в них нет.

– Какие бездельники! Им бы нашу, шмелиную, жизнь! Но мне, Соня, всё-таки заниматься этой глупостью неохота. Не дури!

– Жора! От тебя ничего не требуется. Ничего сложного. Сядем на ветке, прижмемся носами. И всё! Ты такой мохнатый, у тебя такие усищи! Только один разик! Умоляю! Один разик!

– Ну ладно. Уговорила. Только разик. Посмотрим, как там у людей. Даже интересно.

Сели. Жора благоразумно предупредил Соню:

– Смотри не увлекайся. У тебя жало. Ещё в порыве вонзишь в меня. Вы, осы, опасные существа.

– Не волнуйся! Буду контролировать.

Другие осы из гнезда тоже заинтересовались новинкой и уселись в отдалении поглядывать на процесс.

Соня обняла Жору, прижа-

лась, закрыла глаза и... всё на свете забыла. Особенно её взволновали усы.

Жора попытался её отодвинуть, ведь прижиматься они не договаривались. Но не тут-то было. Почувствовав сопротивление, Соня напрыглась, и тогда, помимо её воли, сработал инстинкт: она вонзила жало в беднягу. Жора зажужжал, захотел вырваться. Соня вонзила в него челюсти.

Можно ли её винить? Она была в беспамятство, и притом с закрытыми глазами.

Но это не конец. Зрители, наблюдавшие процесс, учуяв запах яда, тоже инстинктивно присоединились к атаке. И красивый, большой, мохнатый-полосатый Жора рухнул, поверженный, наземь.

Обнаружив пустоту в лапках, Соня открыла глаза. А где же Жора?

О! Какая ужасная неосторожность! Произошло непонятное!

Осиний рой разлетелся. Соня в горе спустилась к телу любимого. Что делать?

Постояв, она отломала один усик, закопала Жору, а усик водрузила над могилкой вместо памятника.

Посмотрела Соня на холмик, упала на землю, горько заплакала:

– Эх! Соня, Соня! Оса я неразумная! Такого шмеля сгубила! Когда поумнею?

Конец.

Итак, рассказ написан. Перечитала. Решила усилить название. Поскольку мой рассказ получился со смертельным исходом, пусть он называется «Ужасная неосторожность».

А что написал Антон Павлович? Нашла его рассказ «Неосторожность». Прочитала. Задумалась. И что же? Могу, подобно Соне, воскликнуть: «Эх! Таня, Таня, когда поумнеешь?»

И всё-таки важно мнение самого писателя. Вопросительно смотрю на портрет. Что скажет? Справедливый Антон Павлович молчит. Не хочет огорчать. Его оценка мне и без слов понятна: «Чуть полнейшая». Грустно.

Зато баснописец Иван Андреевич Крылов меня великодушно утешает: «Не печалься. Пиши. Научишься!» Я ему верю. И пишу.

Святослав ОДАРЕНКО: «Родился в новосибирском Академгородке в 1972 г. Окончил гумфак НГУ. Работаю в

медиа, специализируюсь на визуализации.

Стихи начал писать, как обычно, еще подростком. Сознательным поэтическим творчеством занимаюсь с начала 1990-х годов, мысля себя в продолжении традиций авангардной и метафизической поэзии, с обращением к примитивному, наивному и поп-искусству.»

Я нахожу свою любимую песню в том чтобы делиться одним неделимым непостоянным словно луч на стене — моё каждое утро рождённым из сердцевины порядка за перепонкой хрусткого марта

ведь что может быть прекрасней чем ноты — чёрные мёртвые точки на решётке периодов и повторений

Холодные мраморные скарабеи распускают крылья в сиянии тёплого света из зелёных глаз птицеголового бога —

перешуршать рокот стройным треском закрылков отправляясь по этим лукавым волнам откуда уже не виден тысячелетний блеск —

солёный блеск заслоняющий солнце разделить не касаясь земли заново древний наплыв о разрывающем счастье

быть потерянным-найденным этими странными дням-ночами словно можжевелевой ветке

в звенящих страницах книги своих заклинаний.

Нет ни осадочка только горчица нет надувного ужаса нет заусеницы и матерчатой куколочки нет глиняной чашки

...и у волчка не боли

петелька есть и пружинка полочка есть — поставить полный набор для перочинного ножика есть карман капитана есть запасники свечки покой и ходики

...и у волчка не боли

ещё есть большущий орех и тяжёлый такой как ты знаешь именно тот на нем ещё не успел толком вырасти мох что делать с неуклюжим неровным орехом который выглядит как ненужная вещь но расположен прямо внутри живота? —

уклюжиной под весло основательности

...и у волчка не боли

У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Семейные истории Екатерины Рождественской

О происхождении семьи, частной собственности и государства, нас всех давно предупредил Фридрих Энгельс. А не так давно в нашей в стране был введён официальный праздник: Всероссийский день семьи, любви и верности.

в чтении. И мы все с нетерпением ждём выхода следующей книжки, с новым адресом жизни семьи Рождественских.

Начав знакомить со знаменитыми рецептами своих бабушек и прабабушек (о, эти чудные мясные

пирожки бабы Поли!), Катя постепенно погружает нас в мир 60-70-х, мир более простой и человеческий. Конечно, и тогда были трудности (и ещё какие), но совершенно точно не возбранялось позвонить поздно вечером друзьям и устроить поси-

делки на кухне. Сколько было затеяно и воплощено проектов, ставших культовыми позднее, на этих наших кухнях, еще предстоит изучить будущим исследователям советского быта XX века.

«Жили-были, ели-пили...», «Двор на Поварской», «Балкон на Кутузовском» — этапы жизни одной семьи, в которой, как в зеркале, мы видим много и из своей тогдашней жизни. С любовью выбранные фотографии, письма родителей, детские записки, подробности быта тогдашнего — всё это делает книги Екатерины не-

быкновенно тёплыми. Настоящим гимном семье и памяти. Памяти не только о родных людях, но и о духе времени. Каждый из читающих эти книги, найдёт и увидит в них что-то своё, сокровенное, близкое. Или из глубин памяти всплывёт вдруг давно, казалось бы, утраченная деталь из жизни. Я вспомнила, что у меня в детстве был такой же плюшевый капюшон, как у маленькой Кати Рождественской.

Наталья Трегуб, зав. библиотекой ДУ СО РАН

